

На правах рукописи

ГАЙДЕНКО Павел Иванович

**МЕСТО КИЕВСКОГО МИТРОПОЛИТА В СИСТЕМЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ КИЕВСКОЙ РУСИ
(988-1037 гг.)**

Специальность: 07.00.02 – отечественная история

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Казань - 2005

Работа выполнена на кафедре отечественной истории до XX века Казанского государственного университета

Научный руководитель:

доктор исторических наук,
профессор Ермолаев Игорь Петрович

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук,
профессор Данилевский Игорь Николаевич

кандидат исторических наук,
доцент Иванов Юрий Николаевич

Ведущая организация

Казанский государственный педагогический университет

Защита состоится «_____» _____ 2005 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д.212.081.01 в Казанском государственном университете по адресу: 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18, корпус 2, ауд.1112.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «_____» _____ 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук,
доцент

Р.Г.Кашафугдинов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ.

Актуальность темы исследования. В последние десятилетия в исторической науке проявляется большой интерес к вопросам, связанным с религиозными составляющими жизни общества. На протяжении продолжительного периода после событий октября 1917 г. до времени празднования 1000-летия крещения Руси в 1988 г. отечественная наука не проявляла достаточного внимания к жизни религиозных институтов и значению их деятельности в обществе. К сожалению, критическое отношение к деятельности церкви выходило за рамки научных интересов в идейную плоскость политических устремлений советского государства.

В настоящее время мы можем наблюдать неуклонное возрастание научного интереса к проблемам истории религиозной жизни в российском государстве. Необходимо признать, что уже давно возникла необходимость в детальном изучении истории появления, насаждения и развития христианской церковной организации древней Руси.

Между тем, необходимо признать, что история возникновения церковной организации в землях Киевской Руси представляет собой сложное явление. Помимо того, что возникновение более или менее стройной иерархической системы христианской жизни было насущной необходимостью, обусловленной догматическими и каноническими воззрениями христианства, вместе с тем организация религиозной жизни предполагала политические интересы древнерусского государства в религиозной сфере. В определенном смысле крещение Руси и последующие за ним события отражали не столько духовную востребованность нового религиозного учения, сколько вполне определенные прагматические цели внешне и внутривнутриполитического характера.

В сложившихся условиях древнерусской действительности церковь в лице её священнослужителей становится активной участницей бурных событий, связанных с процессами утверждения великокняжеской власти Владимира Святославича, во внутривнутридинастических спорах его детей и, наконец, административно-правовом устройстве древней Руси. Однако необходимо заметить, что прибывавшая на Русь древнегреческая церковная иерархия, имевшая, по-видимому, византийское подданство и обладавшая правами легатов Константинополя, продолжительное время оставалась чуждой интересам великокняжеской власти и не разделяла его амбиций. Однако же древнерусские летописи не дают нам оснований говорить, что это взаимное недопонимание, существовавшее между церковными и великокняжескими властями, имело какие-то последствия, угрожавшие церкви или государству.

Столь «спокойное» течение дел в конце X – первой трети XI вв, несомненно, связано с тем, что великие князья, начиная с Владимира I, не только принимали активное участие в нуждах молодой церковной организации, но и фактически возглавляли её. Что же касается номинального главы церковной организации, называемого в научной исторической традиции уже в период правления Владимира Святославича «митрополитом», то его статус, функции, права и административные ресурсы практически остаются невыясненными.

Создание церковной организации в древнерусском государстве на начальном этапе представляло волевой шаг великого князя и его окружения. Перед «варварским» правителем, желавшим посредством политического брака на легендарной царице Анне и принятия византийского духовенства получить международное признание, предстояла трудно разрешимая задача христианизации Киевской Руси. Новая вера не только не вызвала радости у местного населения, но в отдельных случаях встретила и активное сопротивление. Весьма странное зрелище представляли собой и проповедники. В большинстве это были греки, едва ли владевшие восточнославянскими диалектами. Они не понимали реалий жизни древнерусского общества. Массовые крещения горожан и

строительство храмов не только не решало проблемы распространения христианства и борьбы с язычеством, но и выявляли внутренние противоречия в самом иерархическом церковном институте. Это было связано с конфликтной ситуацией, существовавшей между греческим и болгарским духовенством. Греческий епископат более заботился о собственных иммунитетах, чем о проповеди Христа среди славян, в это же самое время болгары, не занимавшие высших постов в церкви, благодаря более активной позиции в деле книжных переводов, пользовались благосклонностью великих князей. К тому же дружинники и городские старейшины, принимавшие участие в крещении Руси, сами едва ли успели овладеть основами церковного вероучения и христианской морали.

Создаваемая на Руси церковная структура при всей той стройности, какую ей пробует придать летописание и научно-исторический нарратив, по большей части носит некий аморфный характер. В какой-то степени она повторяет административную структуру великокняжеской власти.

Церковь не могла существовать без главы (предстоятеля), в нашем случае «митрополита». Научно-исторический нарратив практически бездоказательно априорно назвал главой русской церкви «митрополитов», автоматически присвоив церковной организации с самого начала её существования достоинство «митрополии», а её первоиерарху высокий сан. Между тем древнерусские источники оказались более сдержанными в оценке административного устройства христианской организации и еще более немногословными в свидетельствах о реальном духовно-административном ресурсе древнерусских первоиерархов. Необходимо признать, впрочем, что личности, занимавшие должность «русского митрополита», теряются в бурном круговороте древнерусской действительности рассматриваемого нами периода. Так что на протяжении весьма продолжительного времени, до митрополита Феопемпта (1036 – 1039/43 гг.) персоналии киевских или переяславских архипастырей представляют неразрешимую загадку. Затруднительно говорить и том, где именно находился административный центр церковной организации и в каком состоянии пребывало не только рядовое, но и высшее церковное управление.

Сложность разрешения возникающих затруднений обусловлена еще и тем, что традиционно история русской церкви рассматривалась в контексте зависимости русских иерархов от Константинополя и культурно-религиозного влияния Византии. При этом зависимость религиозной жизни от воли великокняжеской власти, оказывавшей прямое влияние на религиозную жизнь государства и внутривластных процессов, обуславливавших степень зависимости русской митрополии от внешнего влияния, в исторической традиции освещена недостаточно. Малоизученным представляется и вопрос об эволюции церковного управления. Положение, которое мог занимать митрополит в церковной структуре, в среде политической элиты Киева и в народном сознании было обусловлено все же в большей мере не внешними факторами, а реалиями политической ситуации внутри древнерусского государства.

Всё это не только определяет научную значимость и актуальность изучения политических и связанных с ними церковных отношений в государстве в контексте их соотношения с высшим церковным управлением в лице митрополита, но и определяет основные вопросы этого изучения и хронологические рамки исследования.

Еще большую значимость и актуальность приобретает данная тема в связи с всевозрастающим интересом в современном обществе к вопросам религиозной жизни и желанием различных церковных институтов не только участвовать в различных сферах общественной деятельности, но и активно влиять на политическую ситуацию в российском государстве.

Хронологическое ограничение исследования определяется, с одной стороны, сообщениями Повести временных лет о крещении Руси (988 г.), а с другой - известием об устройстве в Киеве митрополии (1036 г.). На этом полувековом этапе власть предстоятеля русской церкви ограничена. Митрополия находится в удалении от Киева, в Переяславле.

Насаждение христианской жизни осуществляется под прямым контролем и, по сути, под руководством великого князя. Церковные власти еще не пользуются доверием у великого князя и его окружения. Однако именно в это время создаются условия для формирования материальной базы церкви, оформляются первые епископские кафедры, элементарные христианские ценности усваиваются представителями правящего дома Рюриковичей, церковь приобретает начальный (на первых порах неудачный) опыт участия в государственных делах. Что касается отношения великокняжеской власти к церковным структурам, то на рассматриваемом этапе великий князь фактически самостоятельно руководил церковью, решая вопросы расположения центров христианской жизни, строительства храмов и заполнения штатных священнических вакансий духовенством. Митрополит, если таковой существовал, был отстранен от активной религиозной и политической жизни. Великий князь самостоятельно следил и за организацией духовной жизни храмов. Главным итогом этого периода стало перенесение центра митрополии в Киев, легитимизация власти митрополита и создание условий для активного привлечения к занятию священнических вакансий представителей местного населения.

Источниковая основа исследования. Необходимо признать, что прямых письменных источников по теме диссертационной работы, в её хронологических рамках, нет. Вместе с этим сохранились и практически полностью опубликованы нарративные источники, рассматривающие изучаемые события церковно-политической жизни Киевской Руси конца X – начала XI вв. Эта обширная группа документов представлена древнерусскими летописями XII – XVI вв. Важнейшей из них является Повесть временных лет. Также к исследованию привлечен максимально возможный комплекс зарубежных источников, представленный византийскими и западноевропейскими хрониками, рассматривавшими события становления древнерусской государственности и древнерусской церковной организации.

Особую ценность представляют акты источники, включающие в себя древнерусские княжеские уставы церкви и тексты «Русской правды». Реконструкция монастырского быта, взаимоотношений монастырей с представителями церковной и великокняжеской власти стала возможной благодаря сохранившимся монастырским уставам XII – XIV вв.

К исследованию была привлечена агиографическая и богословская литература, представленная ранними житиями святых мучеников Бориса и Глеба, произведениями митрополита Иллариона и более поздними редакциями житий русских святых.

Кроме этого, автором были использованы публикации о результатах археологических исследований в Киеве и его области, а также на территории Новгорода.

Особую ценность и важность для диссертации представляют, в том числе, фольклорные источники.

Таким образом, комплекс источников достаточен, чтобы установить достоверность отражавшихся в них фактов, осветить процессы взаимодействия церковных и государственных институтов в древней Руси.

Цель и задачи исследования. Изучение источников и научного исследовательского нарратива выдвинуло цель исследования: выявить степень участия власти киевского митрополита в политической и религиозной жизни древней Руси в контексте политических, экономических, социальных и юридических отношений между церковными и государственными институтами древнерусского государства в конце X – первой трети XI вв. Сложность рассматриваемой темы определяет комплекс задач. Их, в свою очередь, можно разделить на три группы:

1. дать характеристику основных источников по теме исследования и представить обзор научно-исследовательского нарратива по рассматриваемой теме;
2. провести деконструкцию общепринятых традиционных научных исторических взглядов на положение предстоятеля русской церкви, состояние церковного управления и

существовавшие политические связи древнерусских первосвященников с великокняжеской властью в Киевской Руси;

3. реконструировать деятельность митрополита и церковной иерархии в X – первой трети XI вв. в контексте административных и политических ресурсов предстоятеля древнерусской церкви и великих князей Владимира Святославича и Ярослава Владимировича Мудрого.

Научная новизна диссертации. В диссертации предложена новая, отличная от устоявшейся в церковной исторической науке, периодизация истории древнерусской церкви в домонгольской Руси. Она учитывает не только зависимость русских митрополитов от Константинополя, но и зависимость высшего церковного управления от внутривосточных процессов в восточнославянском государстве. Кроме этого, автором предложено собственное видение состояния высшего церковного управления, которое заключается в том, что до 1036 года в древнерусском государстве отсутствовала стройная система церковного института, а реальное управление церковной жизнью осуществлялось не митрополитами, существование которых сомнительно, а великим князем. В ходе исследования раскрыты механизмы политической борьбы в древнерусском государстве, участие в этих процессах религиозных институтов и место церкви во внутривосточном конфликте Рюриковичей (1015-1024 гг.). Эти проблемы частично рассмотрены в историографии, но действительного комплексного решения зависимости церковной жизни от внутривосточной борьбы вокруг киевского великокняжеского престола и должности митрополита не имеется.

Научно-практическая значимость исследования. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при создании обобщающих трудов по истории древней Руси и древнерусской церкви X - XIII вв.

Материалы диссертации могут быть использованы при чтении общих и специальных курсов для студентов исторических, религиоведческих, теологических, культурологических и политологических факультетов.

Апробация. Основные положения диссертации докладывались на заседаниях кафедры отечественной истории до XX в. Казанского государственного университета, на ряде научных конференций, использовались в читаемом автором курсе лекций по истории русской церкви в Казанской духовной семинарии, отражены в опубликованных автором статьях.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ.

Во введении обоснована актуальность темы, охарактеризована степень её изученности, определена основная исследовательская проблематика, сформулированы цель и задачи диссертации, указана её научно-практическая значимость.

Глава первая – «Источники и литература. Вопросы периодизации истории русской церкви в домонгольской Руси» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе - «Источники» - определяется комплекс документов по изучаемой проблеме, дается их классификация и характеристика.

Источники разделены нами на следующие группы: 1) древнерусские летописи; 2) акты; 3) монастырские уставы; 4) агиографическая, богословская и церковно-полемическая литература; 5) берестяные грамоты; 6) зарубежные источники; 7) фольклорные материалы; 8) археологические и нумизматические источники.

К первой группе нарративных источников относятся древнерусские летописи XII-XVI вв. Необходимо признать многоплановость и своеобразие этой группы источников, поскольку летописи включают в себя не только хронологические сведения, но и выдержки основных международных договоров 911, 943 гг., агиографические вставки. Язык

летописей, особенно Повести временных лет, Ипатьевской и Лаврентьевской летописей отличается своей образностью. История древней Руси предстает живым продолжением библейской и общецерковной истории. Содержание летописей отличается эсхатологичностью настроений их авторов. Помимо всего, составители этих произведений находились под сильным политическим влиянием заказчиков сводов. Несмотря на то, что авторы древнейших летописных сводов были монахами, их интересы были сконцентрированы по большей части на проблемах политического характера. Повесть временных лет была призвана ответить на вопрос о начале русской земли и великокняжеской власти. Между тем, авторы летописных сводов остались прохладны к истории русской церковной иерархии.

Первые сведения о христианской жизни в Киевской Руси отличаются сбивчивостью, легендарностью, отсутствием живых характеристик церковных иерархов. Мы не имеем представления ни о жизни, ни о смерти первых русских первоиерархов, ничего из летописей не узнаем о первых русских епархиях и структурах церковного управления. Древние летописцы отличились ярко выраженным и крайне удивительным, на первых порах, безразличием к своим первосвященникам.

Особый интерес представляет псковское и новгородское летописание. Несмотря на то, что характер этих произведений носит по большей части не общерусскую, а местную направленность, излагаемые в них сведения о жизни церкви отличаются систематичностью.

Реальный интерес к жизни первых русских высших церковных иерархов впервые проявляет Никоновская летопись, созданная в XVI в. Впрочем, предлагаемые в ней сведения ничем не подтверждены, отличаются своей тенденциозностью, неверностью формулировок и титулов, применяемых к рассматриваемому нами периоду. Все это снижает достоинства названного произведения, создает дефицит доверия к представленным в нем свидетельствам.

К группе актовых источников относятся тексты «Русской правды» и княжеских уставов церкви. Эти документы проливают свет не только на административные, экономические и юридические ресурсы церкви и её иерархии, но и позволяют поставить вопрос о статусе членов церковного клира в древнерусском обществе, целях существования церковной организации, степени нравственного состояния общества и о реальных приоритетах в деятельности церковной организации. Более того, санкционированное великокняжеской властью актовое законодательство говорит и о состоянии церковно-государственных отношений в Киевской Руси.

Монастырские уставы, несомненно, позднейшего происхождения, однако они сохранили свидетельства о внутреннем быте обителей, их связи с церковными и светскими властями.

Произведения агиографии и богословская литература отразили в себе не только первые аксеологические поиски юной древнерусской церкви, но и степень интегрированности древнерусской мысли в мир византийской культуры.

Берестяные грамоты в своем большинстве представляют образцы эпистолярного наследия. Их количество и содержание отразили в себе не только уровень грамотности жителей Новгорода, но и их быт, в котором вопросы религиозного характера также нашли свое место.

В документах зарубежного происхождения, в свою очередь, целесообразно выделить две группы: византийские и западноевропейские источники. Сохранившиеся в них сведения во многом восполняют молчание отечественных письменных документов об организации великокняжеского хозяйства, древнерусской торговле (полюдь), походах Святослава Игоревича в Болгарию, нравах и обычаях варягов и древних славян, деятельности русского посольства при дворе Оттона I, организации христианской миссии Адальберта, жизни Киева в период борьбы детей Владимира Святославича Ярослава

Мудрого и Святополка Окаянного. Древнерусские источники большей частью умалчивают обо всех этих событиях и фактах.

Особую ценность имеют фольклорные материалы. Их составители едва ли принадлежали к верхушке древнерусского общества, но были хорошо знакомы с жизнью и бытом княжеских и боярских дворов. Эти произведения создавались не в церковной среде и не в кругу придворных политических партий. Они рождались в народном сознании и отразили его видение событий жизни древнерусского государства.

Археологические и нумизматические источники порой являются единственными источниками, способными открыть тайны того, о чем не решались, или в силу каких-либо иных причин, умалчивали летописи. Это касается не только вопросов торговли, архитектуры, но и идеологической сферы. Так, например, деньги, выпущенные при Владимире Святославиче, Святополке Владимировиче (Ярополчиче), Ярославе Владимировиче Мудром отразили в себе не только экономические и финансовые аспекты жизни древней Руси, но и религиозно-политические приоритеты великокняжеской власти, внешнеполитические амбиции восточных славян и, наконец, стали свидетельством процессов централизации власти в Киевской Руси.

Во втором параграфе – «Обзор литературы вопроса» рассматриваются основные тенденции российской историографии, определяются принципиально важные этапы исторического осмысления вопросов, связанных с политическими и религиозными процессами в древнерусском государстве. Учитывая особенности параллельного существования двух направлений в исторической мысли церковного и гражданского, они нам видятся следующими:

Первый, домакарьевский период (до появления исследований митрополита Макария (Булгакова)) охватывает церковные работы с начала XVII в. по 60-е годы XIX в. Этот этап связан с именами киево-печерского архимандрита Иннокентия (Гизеля), митрополита Платона (Левшина), архиепископа Филарета (Гумилевского). Это наиболее яркие фигуры в церковной историографии рассматриваемого этапа. Если же говорить об их заслугах перед наукой, то трудами последнего из них, архиепископа Филарета, история русской церкви наконец приобрела систематизированный характер со своей периодизацией и опытом привлечения достижений в области отечественной истории их светских коллег, среди которых первое место должно было бы принадлежать М.М.Щербатову.

С именем митрополита Макария (Булгакова) связан новый этап (середина 60-х г. XIX в по наши дни) в истории церковных исследований. Его тринадцатитомный труд «История Русской Церкви» начал выходить в свет с 1846 г. Работа над исследованием была завершена только в 1869 году. Митрополиту Макарию удалось не только аккумулировать опыт предшественников, но и обогатить его огромным фактическим материалом, систематизировать накопленные знания и изложить в объемном труде, значимость которого в церковной истории велика и в наши дни. Результаты исследования, предпринятого архипастырем, оказали самое сильное влияние на дальнейшее развитие церковно-исторических исследований. Вскоре появились работы П.В.Знаменского, П.И.Малицкого, А.П.Доброклонского. Однако при всех достижениях названных исследований указанным авторам не удалось преодолеть колоссальный разрыв, существующий между задачами, преследуемыми научными и религиозными исследованиями.

Совершенно иной характер носили работы Е.Е.Голубинского, жаркого научного оппонента Макария (Булгакова) и, вместе с тем, его искреннего почитателя, пользовавшегося научным и даже материальным покровительством пожилого митрополита. Критический анализ древнерусских источников, смелость суждений и справедливость поднимаемых исследовательских вопросов отличили труд этого историка, что, правда, ему стоило двадцати лет незаслуженной церковной критики и пренебрежения в церковной среде. Эпоха К.П.Победоносцева была безжалостной к молодому ученому.

Революционные события 1917 года и последовавшие за ними изменения в области религиозной политики новой советской власти практически полностью уничтожили систему духовного образования в России, лишив церковь не только института подготовки священства, но и религиозных научных центров, какими являлись духовные академии и некоторые духовные семинарии.

Дальнейшее развитие церковной науки связано с именами русских эмигрантов, среди которых наиболее известен Н.Тальберг. В шестидесятые годы XX века появляется исследование протоиерея Стефана Ляшевского «История христианства в земле русской». Однако необходимо признать, что ни один из названных авторов не только не был оригинален, но и не сумел сколько-нибудь поддержать и развить успехи русской церковной истории начала XX века.

Некоторое оживление церковных исследований в области истории древнерусской церкви произошло в период подготовки и проведения торжеств, связанных с 1000-летним юбилеем крещения Руси. В этот период появляются работы преподавателей Московской духовной академии К.Е.Скурата и М.С.Иванова. Альманах «Богословские труды» печатает исследования иеродиакона Никона (Лысенко). Несколько позже выходит монография Иоанна (Экономцева) «Православие. Византия. Россия». Впрочем, практически все эти исследования выходят за рамки научного поиска, в область духовно-этическую и богословскую, страдают излишним увлечением моральными уроками истории, подменяют научные ценности непреходящим значением православного вероучения.

Труды гражданских историков в области русской церковной истории отличаются более высоким уровнем научного исследования. В дореволюционной России исследования в церковно-исторической области по вполне ясным идейным и религиозным соображениям находились под жестким цензурным контролем Синода. Даже в трудах таких ученых как В.Н.Татищев, М.В.Ломоносов, М.М.Щербатов, Н.М.Карамзин, Н.А.Полевой, М.П.Погодин мы не встречаем какого-либо серьезного критического испытания фактов церковной истории. Они, по сути, лишь пересказывают летописи. Критика источников почти полностью отсутствовала, во всяком случае, она была недостаточной даже для времени написания основных трудов названных исследователей. В этом отношении весьма показательными являются походы И.Ф.Г.Эверса, предлагавшего внимательный критический подход к сообщениям древнерусских и зарубежных письменных источников по истории древней Руси.

Вторая половина XIX века была ознаменована появлением цикла исследований по истории России С.М.Соловьева. Вопросы церковной истории рассматривались им органично в контексте истории России. Во многом, этот подход был оправдан. Церковная историческая традиция исследовала историю церкви, основываясь на принципах зависимости развития христианской жизни от влияния Константинопольского патриархата. Между тем, история русской церкви была одной из составных частей истории российской государственности. Поэтому деятельность церковных институтов более зависела не от внешнего влияния, что никак нельзя отрицать, а от политической ситуации в восточнославянских землях. Этот подход был в дальнейшем развит в трудах М.Д.Приселкова и В.М.Историна.

Особым явлением стали труды В.О.Ключевского и А.В.Карташева. Работы этих ученых по церковной истории равнозначно принадлежат как гражданской, так и церковной науке. Впрочем, их судьбы в стенах духовных учебных заведений так же испытали на себе откровенное неприятие привносимых ими научных методов исследования на почве церковной науки. Русская церковная историческая наука требовала от исследователей «предельных метафизических обоснований своих размышлений»,

оценки «временного с позиции вечности»¹, однако она почти не допускала критики, построенной на недоверии и испытании источников.

Необычным и, вместе с тем, замечательным явлением русской исторической мысли стали работы П.Н.Милюкова. Предложенный им метод рассмотрения роли и места церкви в жизни древнерусского общества и российского государства с точки зрения культурологических ценностей христианства и пронизанного им византийского мира открывал новый этап в развития исторической науки в области церковного строительства. К сожалению, в дальнейшем многие идеи П.Н.Милюкова так и не были развиты в исторической науке.

Революционные события 1917 г. и последовавшая за ними эпоха советской власти поставила перед отечественной наукой совершенно иные задачи. Церковные институты небезосновательно стали рассматриваться с точки зрения их «классового характера». К сожалению, церковь рассматривалась не как организм, пронизывавший и включавший в себя все многообразие классов и социальных групп древнерусского и российского общества, а как замкнутый институт, ограниченный церковной иерархией и монашеством. Вместе с тем нельзя отказать в справедливости этого похода, поскольку интересы церковной иерархии, ее религиозные и политические цели не ограничивались постом и молитвой. С самого начала своего призвания на Русь церковные структуры действительно были интегрированы в систему органов государственной власти, защищали их интересы, служили им и пользовались за это немалыми льготами от государства. Исследования Н.П.Павлова-Сильванского в полной мере отразили справедливость и обоснованность такого похода к церковной истории. Критический поход к церковной истории был предложен и М.Н.Покровским. Активный участник социалистического строительства в России, он стал активным борцом и с укоренившимися в научном сознании, порой, совершенно неоправданными стереотипами о церковных институтах. Стихийный жар своего времени он перенёс и на страницы своих работ, выступив апологетом революции. В итоге с его легкой руки ростовские мятежи 1024 г. и новгородские волнения 1071 г. превратились в «первые народные революции». Однако при всей крайности высказанных им мнений занимаемая им позиция в условиях двадцатых-тридцатых годов XX в. была оправдана и имела право на свое существование.

Большинство исследовательских работ, появившихся в этот период, носили тенденциозный характер, вызванный политическими интересами правящей партии. В общей социальной системе государства в эпоху строительства социалистического общества церкви не могло найтись место. Во многом это было связано с тем, что церковный организм, с одной стороны, небезосновательно оценивался как мощный идеологический механизм, цели которого не совпадали с задачами, стоявшими перед государственной властью, а с другой стороны, в общественном сознании представители духовенства отождествлялись с «контрреволюционными» силами. Поэтому, если к вопросам религиозного характера и проявлялся интерес, то с той необходимостью, чтобы выявить «реакционное» значение церковных институтов и их заведомо «деструктивный» характер в системе государственного строительства. Примером подобного отношения в научной среде могут служить работы М.Н.Никольского. Деятельность церковных институтов даже в начальные этапы существования древнерусского государства априорно оценивалась с позиции отождествления церковной организации, как одного из институтов, деятельность которого направлена исключительно к целям эксплуататорского характера. При этом почти не учитывалось значение религиозного сознания в древнерусском обществе, структурная организация церкви и дифференциация духовенства не только по социальному, но и правовому, материальному, интеллектуальному и иным признакам.

¹ Иванова О.И. Время свободы, проблема направленности истории в христианской исторической мысли России XIX - середины XX вв. – Новосибирск, 2002. С. 36

В пятидесятых годах произошло небольшое изменение в научном сознании по вопросам истории церкви в древнерусском государстве. В это время появляются уже ставшие в настоящее время хрестоматийными работы С.В.Юшкова, Б.Я.Рамма и Б.Д.Грекова. Тем не менее, в дальнейшем в связи с усилением антирелигиозной пропаганды, исследования, посвященные религиозной тематике, вновь стали приобретать полемический характер. Цель этих публикаций, носивших тенденциозный характер, была призвана выявить отрицательные стороны влияния христианской идеологии и церковного клира на общественное сознание. Ярким образцом исследований подобного рода стали работы Н.С.Гордиенко. Между тем, внимание исследователей стали привлекать темы, связанные с историей восточнославянского язычества и фольклора. Новому осмыслению подверглись экономические и социальные отношения, существовавшие в Киевской Руси. Были разработаны темы правового сознания в древнерусском обществе. Огромное внимание в исследованиях ученых было уделено международным связям и матримониальным бракам древней Руси. Работы А.А.Зиминой, Д.С.Лихачева, В.В.Мавродина, А.Н.Насонова, В.Т.Пашуто, Б.А.Рыбакова, М.Н.Тихомирова позволили оценить церковные структуры не как самодостаточный институт власти, а как часть государственного механизма и особый социальный организм, пронизывавший практически все слои древнерусского общества и являвшийся носителем и выразителем вполне определенных не только религиозных, но и политических идеалов, к достижению которых стремилась наиболее пассионарная часть восточнославянского общества.

Ситуация изменилась в послереволюционное время, что, во многом, было связано с празднованием 1000-летия крещения Руси. В это время появились работы, которые также рассматривали вопросы церковного строительства, однако, в отличие от критических замечаний Я.Н.Щапова немало идеализировали религиозную и социально-политическую действительность Киевской Руси. Примером этого могут служить работы С.Г.Пушкарева, который, всего лишь только, пересказывает научные положения XIX века, принимая их с искренней верой и не подвергая сколько-нибудь серьезному анализу.

В последние годы (конец 1990-х – 2004 г.) появился целый ряд интереснейших исследований в области древнерусской истории. Как нам видится, ведущее место здесь принадлежит И.Н.Данилевскому, Н.Ф.Котляру, А.Г.Кузьмину, П.П.Толочко, А.В.Назаренко, Р.Г.Скрынникову, Д.С.Раевскому.

Вопросы церковной истории Древней Руси получают сегодня новое звучание, связанное с возрастанием роли и места церковных институтов в современном обществе и необходимостью более глубоко анализа их основ их существования и участия в жизни общества.

Третий параграф - «Периодизация ранней истории русской церкви (988-1240 гг.)» - посвящен проблеме эволюции церковной жизни и её связи с процессами формирования и развития государственности в землях древней Руси.

Периодизация является ключом понимания любого исторического процесса. Критика уже существующих и ставших традиционными подходов к осмыслению истории древнерусской церкви выявляет проблему неоправданных обобщений в отношении оценки деятельности церковных институтов. Возникает насущная необходимость поставить вопрос именно об эволюции церковной жизни и установлении связи между процессами, протекавшими в церковном организме, и процессами, развивавшимися в политической сфере на землях древней Руси.

В диссертации сделана попытка обосновать следующую предложенную её автором периодизацию истории русской церкви в домонгольской Руси:

1. 988 – 1037 гг. Этот этап характеризуется отстраненностью митрополита от политической и церковной жизни в Киевской Руси. Фактическое управление церковью осуществляется великим князем;
2. 1037 – 1093 гг. - положение русской церкви в последние 15 лет правления Ярослава и при его сыновьях до смерти Всеволода Ярославича в 1093 г. Именно в этот период в

диалоге между церковной иерархией и великим князем закладывается фундамент, если и не равноправных, то, по крайней мере, взаимовыгодных отношений;

3. 1093-1132 гг. - состояние церковного управления с момента вступления на киевский престол Святополка до смерти князя Мстислава Владимировича (1132) и последовавшего вслед за этим распада Киевской Руси;

4. 1132-1169 гг. - состояние русской церкви от времени развала единого Киевского государства до разорения Киева князем Андреем Боголюбским в 1169 году и утраты Киевом своего первенствующего положения среди русских княжеств. Последнее неминуемо сказывается на ослаблении власти митрополита над древнерусскими епархиями, находящимися в зависимости от удельных князей;

5. 1169-1240 гг. - история русской церкви от разграбления Киева суздальцами до его уничтожения Батыем в 1240 году. Киев окончательно перестал играть роль важного политического центра.

Итак, рассматривая проблемы процессов становления христианства, а вместе с ним, формирования высшего церковного управления во главе с киевским митрополитом, устанавливается связь между положением русского первосвященника и событиями политической жизни древнерусского общества.

Вторая глава диссертации «Состояние высшего церковного управления Киевской Руси при Владимире Святославиче» также содержит три параграфа.

В первом параграфе рассматривается процесс зарождения христианской жизни в древнерусском государстве. В параграфе охватывается период с 911 г., времени первого упоминания письменного договора между князем Олегом и Византийской империей, до вступления на киевский стол Ярополка Святославича. На рассматриваемом этапе посредством заключения договоров происходит установление тесных отношений между Русью и греками. При князе Олеге греки воспринимаются, прежде всего, как христиане. При его приемнике Игоре христиане появляются и в варяжской среде, окружавшей князя. При этом их права в торговом договоре 943/944 г. оговариваются особо. В период участия княгини Ольги в управлении Киевской Русью возможно предполагать наличие некоей «христианской партии» в Киеве в окружении вдовы Игоря. Русское государство пробует установить религиозно-политические отношения с Византией и Германией. Это находит своё выражение в крещении Ольги, а позже – миссии епископа «русского» Адальберта. Тем не менее, принятие сыном Ольги и Игоря, Святославом, полноты власти в государстве приводит к ослаблению христианской общины в древнерусской столице. Во многом это было сопряжено с политической слабостью Святослава, зависевшего от всемогущего воеводы Свенельда и его дружины, составлявшей основу воинских сил древней Руси. Между тем, главным итогом этого этапа стало возникновение прецедента крещения члена правящего дома Рюриковичей.

Во втором параграфе рассмотрена проблема начала формирования религиозной политики в Киевской Руси в 972 – 988 гг. Политические приоритеты детей Ярополка Святославича и Владимира Святославича разнятся. Однако именно в период их правления государство осуществляет ряд целенаправленных шагов по формированию единой политической линии в религиозной плоскости. Ярополк пробует установить близкие отношения с Германией, сместивший его Владимир – первоначально осуществляет языческую «реформу», а с 986 года вновь возвращается к мысли о принятии христианства. Несмотря на то, что генеральная линия в конфессиональном отношении неоднократно изменялась, – в самом великокняжеском окружении сохранялось единство вокруг великокняжеской позиции по религиозному вопросу. Заметим, что при Святославе Игоревиче и Ольге этого единства не было. Мать и сын не нашли взаимного понимания. Во многом, религиозная политика Владимира (как и Ярополка) была связана с великокняжескими амбициями и необходимостью признания дома Рюриковичей в семье европейских дворов. В 988 году замыслы великого князя были реализованы. Владимир

Святославич не только породнился с императорским домом Византии, но и принял крещение, приведя к христианству дружину, а вслед за этим и жителей Киева.

В третьем параграфе предпринята попытка реконструкции процессов становления административной структуры церковного управления в Киевской Руси. Обращает на себя внимание то, что первоначально в столицу славян прибывает только корсунское духовенство. Ни в крещении киевлян, ни в первоначальном становлении системы образования, ни в посажении детей Владимира в главных городских центрах Руси, ни в устройстве храмов и формировании их причтов епископат не принимал участия. Древнейшие летописи об этом молчат. Что же касается сообщений Никоновской летописи, то приводимые в ней факты не выдерживают элементарной критики.

Первое упоминание о епископе Иоакиме датируется 991 годом. При этом он все же не киевский, а новгородский святитель. Крещение городских центров, ярким примером чего может служить прибытие епископа в Новгород, встречало протесты и сопротивление местных жителей. Великокняжеская власть отдавала себе отчет о сложности существовавшей ситуации. Поэтому епископа сопровождали Добрыня (руководитель великокняжеской дружины) и Путята (тысяцкий Киева). К Новгороду подошла целая армия, чтобы посадить в нем епископа.

Христианизация провинций стимулировала местный сепаратизм. В дальнейшем антихристианскую направленность приобретут волнения 1024 года в Ростове. Христианство почти сразу же ассоциируется с государственными структурами, а государственное управление на местах - с новой религией.

Процесс христианизации проводится великим князем. Мы не встречаем здесь заметной роли митрополита. Он, по-видимому, в силу своего византийского происхождения, амбиций и «политической неблагонадежности» удален от великокняжеского двора. Центр митрополии располагается в Переяславле. Киевские храмы обслуживаются священниками. Даже первый устав князя Владимира церкви предназначается не для епископа, а для соборных храмов.

Участие епископата в государственных делах отмечено под 996 годом и связано с приходом к князю неких епископов по вопросу о наказании преступников. Анализ текста показывает, что, по-видимому, это была попытка получения иммунитетов и способ защититься от посягательств на жизнь духовенства со стороны местного населения. Неуважительный тон речи епископата, а также принесенный их предложением серьезный материальный убыток казне приводит к охлаждению во взаимоотношениях великого князя и церковной иерархии. До самой смерти Владимира мы не встретим упоминаний об активной деятельности великого князя в религиозной сфере. Даже похороны великого князя проходят без приглашения священства. Все это указывает на глубину противоречий, возникших между церковью и государством.

О невысоком статусе первых митрополитов говорит даже то, что русские летописцы не знают, или же умалчивают по каким-то причинам их имена, годы управления церковью. В летописи не зафиксированы сообщения даже о смерти и месте погребения первых иерархов, не сохранились эти сведения и в церковном предании.

Третья глава «Эволюция церковного управления при ближайших приемниках Владимира I (1015 – 1037 гг.)» включает два параграфа.

В первом параграфе рассмотрено состояние церковного управления и христианской жизни в период борьбы детей Владимира за киевский стол. Необходимо сказать, что напряженные отношения, возникшие между Владимиром Святославичем и епископатом после 996 г. нашли свое продолжение в ходе дальнейших событий. Церковь не принимала активного участие в междоусобной борьбе Владимировичей. Более того, текст Повести временных лет дает основание предполагать, что в ходе этой внутрдинастической борьбы симпатии киевского духовенства были на стороне Святополка, а не Ярослава. К тому же, вступление Ярослава в Киев в 1017 году ознаменовалось поджогами храмов. Скорее всего это обстоятельство привело к тому, что

киевское священство во главе с архиепископом приветствовало, как об этом сообщают западноевропейские хроники, завоевателя Киева Болеслава Храброго.

По-видимому, киевское священство могло плохо ориентироваться в межкняжеских и внутригосударственных отношениях. Возможно, именно это обстоятельство стало причиной и того, что знаменитый священник Анастас-Корсунянин предпочел выехать из Киева в Польшу, возглавляя обоз со знатными пленниками. Победа Ярослава над Святополком не решила внутридинастических и церковных проблем. Возникает серьезный конфликт между Ярославом и Мстиславом, стремящимся получить право жить на «русской земле» и пользоваться выгодами проходящих через неё торговых и иных экономических путей. Стольным городом для Мстислава стал Чернигов. Здесь начинается строительство Спасского собора. По-видимому, Мстислав Владимирович пробовал проводить свою независимую от Киева, в том числе и религиозную, политику. При этом, на себя обращает внимание, что Ярослав продолжительное время находился в стороне от церковных вопросов. Так будет продолжаться до 1034 года, когда смерть Мстислава позволит вновь объединить земли Руси. В этот же год Ярослав сажает в Киеве епископа Луку Жидяту. То есть сын Владимира считал себя в праве решать вопросы церковной жизни подобно тому, как поступал и его отец. Однако, на этот раз наблюдается сближение интересов церкви и государства.

Второй параграф посвящен 1036-1037 гг. В этот период мы можем наблюдать не только необычайное строительство в Киеве, но и легитимизацию митрополичьего управления церковью. В Киеве учреждается митрополия и для неё строится комплекс сооружений с новым храмом для митрополита. Русский первосвященник впервые допускается к освящению княжеского Десятинного храма. Возрождается система элементарного образования, создается переводческая школа и первая библиотека. По-видимому, в это время начинается работа по созданию начального летописного свода.

Важнейшим явлением этой эпохи становится привлечение местного населения к занятию священнических вакансий. При этом князь уже считает себя вправе не только назначать священников в соответствующие храмы, но и учить их благочестию и проповеди.

Митрополит приобретает доверие политической верхушки и становится участником политической жизни Руси и её столицы. Правда, он по-прежнему находится в полной зависимости от великого князя.

В заключении диссертации подведены общие итоги исследования, сформулированы основные выводы. Рассматривая вопрос о месте митрополита в политической жизни Древней Руси в 988-1037 гг., можно отметить, что статус русского первосвященника был невысоким. Причины этого кроются во множестве обстоятельств. Среди них, прежде всего, необходимо отметить то, что церковная организация появляется на Руси будучи неостребованной большинством населения. Цели принятия христианства носили политический и династический характер, связанный не с религиозными потребностями восточных славян, а с амбициями великокняжеской верхушки и необходимостью международного признания Руси. К тому же политическая подчиненность церкви Византийской империи, византийское происхождение первых предстоятелей русской церкви, их неуважительное отношение к местным обычаям, безынициативность, личная корыстность лишали их возможности быть принятыми при великокняжеском дворе. Рассматривая безликие образы первых митрополитов нельзя не учитывать то обстоятельство, что в диптихе греческих митрополий и епархий древнерусская церковь занимала только 62 место. Политическая недалекость киевского духовенства в междоусобной борьбе детей Владимира Святославича не только не прибавила авторитет византийскому священству, но и привела к поджогам киевских храмов. Заслуживает внимания то, что и сами авторы летописей очень сдержаны и немногословны в отношении своих первых высших иерархов, что указывает на сложность религиозно-политической ситуации в Киевской Руси.

Однако в великокняжеской семье христианство нашло благодатную почву. Уже в период укрепления единой державы Ярослава Владимировича Мудрого отношение государства к митрополиту изменяется. Митрополит становится участником политической и культурно-религиозной жизни. Между тем, русский иерарх находится в полной зависимости от великого князя, приоритеты которого связаны с привлечением в церковные структуры представителей из местного населения.

Диссертационная работа завершается **списком использованных источников и литературы**, соответствующих исследовательской проблематике.

Кроме указанных выше частей, в диссертации имеется **приложение**, представляющее собой географическую карту, позволяющую наглядно представить динамику распространения христианства в землях Киевской Руси в 988-1037 гг.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Гайденко П.И. К вопросу о причинах и обстоятельствах «языческой реакции» в период вступления Владимира Святославича на киевский престол (980-983 гг.) // Ученые записки института социальных и гуманитарных знаний. Научно-практическое издание. – Казань: Изд-во «Альфа», 2004. – Т.4. – С. 34-37

2. Петр (Гайденко П.И.), иеромонах. К вопросу о некоторых спорных сторонах деятельности Владимира Святославича // Православный собеседник: Альманах Казанской духовной семинарии. Материалы IV научно-практической конференции «Современный мир, гуманитарные и богословские науки». – Казань: Казан. духов. семинария, 2004. – Вып. 3(8). – С. 116-128

3. Петр (Гайденко П.И.), иеромонах. Место русского митрополита в системе церковно-государственных отношений домонгольской Руси // Православный собеседник: Альманах Казанской духовной семинарии. – Казань: Изд. отд. КГЭУ, 2004. – Вып. 1(6). – С. 136-167

4. Петр (Гайденко П.И.), иеромонах. Заметки о состоянии христианской жизни Киевской Руси в X в. // Православный собеседник: Альманах Казанской духовной семинарии. – Казань: Казан. духов. семинария, 2004. – Вып. 2(7). – С. 17-44